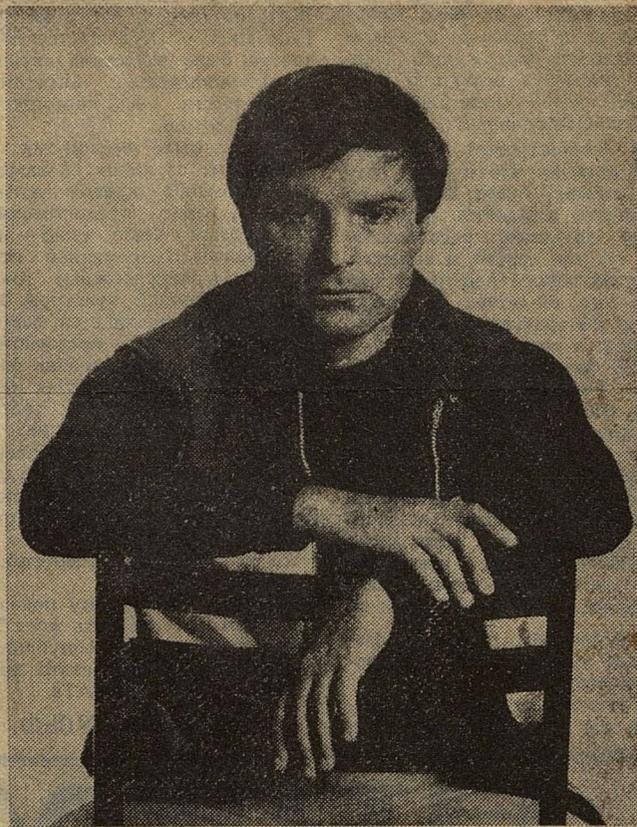

люди искусства

ВЕРНОСТЬ МАТЕРИ

— П. СМЕРНОВ

АКТЕРА Родиона Нахапетова знаю и люблю давно. Еще с «Нежности» и «Влюбленных». Наверное, правильное будет сказать — знаю и люблю его героев. И ведь сколько лет прошло, сколько фильмов, а вот наизусть помню слова: «Когда нет настоящего, рано или поздно придется врать. Я так не хочу. Все должно быть по-человечески. Иначе не стоит жить».

Кто их произнес? Герой или актер? Оба — Родин в исполнении Нахапетова и Нахапетов в роли Родина. Немногословность, сдержанность в поступках, жестах, эмоциях, и вдруг быстрая, мимолетная улыбка — открытая и добрая, и снова — в себя. Категорическое нежелание срываться в крик, выдавать боль, даже когда очень больно. Скорее уж в танец — нелепо-залихватский, непривычно-размашистый. И нужно вместе с кинокамерой глубоко заглянуть в глаза Родина — Нахапетова, чтобы увидеть в них пронзительную боль, чтобы понять, как ранима, как не защищена душа этого человека, потерявшего любовь. Но это только на мгновение, только на миг, когда совсем невольно, когда подступает отчаяние, допущены мы вовнутрь. И все. Стоп. Спокойно. Без нервов.

Роль неистового Бенедикто («Это сладкое слово — свобода!»), яростного, не умеющего ждать, требующего схватки, боя сейчас, сию секунду, можно было бы назвать если не единственной, то, пожалуй, самой «не его» ролью. Но исключения, как известно, только подтверждают правило. Здесь Нахапетов не только демонстрировал свои доселе неиспользованные актерские качества — темперамент, открытую страстность, яркую эмоциональность, но и словно доказывал нам, что сдержанность в проявлении чувств его предыдущих и будущих героев вовсе не означает их отсутствия у самого исполнителя.

И все же за собой актер оставлял право на негромкость экранного рассказа. Сжат, как пружина, разведчик Исаев — будущий знаменитый Штирлиц, выполняющий свое первое чекистское задание («Пароль не нужен»). Молчалив и на первый взгляд невыигрешен на фоне разбитного Пашки Колокольникова инженер Гена из фильма «Живет такой парень». «Незаметно» и «неэффективно» страдает драматург Константин Петрович, осторожно и бережно помогая любимой женщине, актрисе, преодолеть творческий кризис, в фильме «Мечтать и жить».

Належность — вот что отличает большинство героев Нахапетова. Их хочется забрать с экрана в друзья. В старшие друзья (интересно, что в ранних работах актера персонажи почти всегда были старше исполнителя), которые без лишнего слов и суеты, без жалостных вздохов подставят тебе плечо, помогут. Иногда говорят, что актер он сугубо современных образов. Но ведь были и красноармеец из «Мне 20 лет», Огарев в «Старом доме», военлет в «Торпедносцах», Шаблов в телеферси пьесы Островского «Поздняя любовь». И,

главное, был образ В. И. Ленина в знаменитой дилогии М. Донского «Сердце матери» и «Верность матери». И все же он действительно актер сугубо современный. Наш современник. Такой, как следователь прокуратуры Рогов («Человек, который закрыл город»), честно и негромко, но очень твердо и последовательно исполняющий свой гражданский долг. Я никогда не ощущаю дистанции между его героями и собой, но всегда ощущаю его индивидуальность, не просто актерскую, но и человеческую, его гражданскую позицию. Может быть, поэтому в его актерской биографии есть неудачные фильмы, но нет, на мой взгляд, неудачных ролей: даже там, где неинтересен персонаж, интересно чувствовать личность актера, выламывающуюся из схематичности и вторичности образа и фильма. И, наверное, поэтому нет в его кинорепертуаре отрицательных ролей — не потому, что не может сыграть, а потому, что слишком далеко вглубь придется загонять собственное, человеческое «я», прятать мощное «излучение» доброжелательности и теплоты, присущие ему

Кстати, именно о доброте зашел у нас разговор с режиссером Родионом Нахапетовым. Мы долго и много говорили о книгах, обнаружили обоюдную любовь к Брэдбери, по мотивам повести которого «Вино из одуванчиков» Родин снял дипломную двухчастевку во ВГИКе, где учился на курсе И. Таланкина.

Он говорил о доброте и поразительной любви американского фантаста к людям. И фильмы самого Нахапетова — режиссерский дебют «С тобой и без тебя», вызвавшая бурные споры лента «На край света» (по мотивам пьесы В. Розова «В дороге»), добротная экранизация горьковского «Врагов», телефильм «Не стреляйте в белых лебедей» по одноименной повести Б. Васильева — пронзаны верой в преобразующую человека силу добра и любви. А его последняя по времени работа — телевизионная лента «О себе» со шемящей горечью повествует об «обыкновенной» человеческой глухоте, не умеющей услышать необычное в другом и в силу этого становящейся невольной причиной гибели Таланта. И дело, наверное, в том, что этот фильм не только шаг вперед по сравнению с предыдущими работами режиссера, но и его свое, в чем-то новое слово в кинематографе. Подтверждение этому — «Золотая нимфа» фестивалю в Монте-Карло.

В жизни еще немало зла, которое человек, любя других людей, должен во имя этой любви ненавидеть. И все слова о человечности и гуманности можно проверить, скажем, в электричке, когда нужно просто встать бледным от ненависти, а не от страха, и первым врезать полонку (вспомните, как это делал Мурад Нахапетов в картине «Перед закрытой дверью»), памятью о необходимости торжества справедливости сейчас, а не в далеком будущем,

когда все люди станут братьями. Или тогда, когда нужно, невзирая ни на что, сказать правду, чтобы не презирать себя потом за излишнее благоразумие. Мы долго говорили об этом. И вдруг я узнал то, что позволило назвать эту статью «Верность матери».

...Подпольная организация «Родина» на Криворожье — в ее честь когда-то назвали мальчика таким «женским» именем. Мать, совсем еще молодая, нося его под сердцем, пять месяцев пробиралась от партизан за линию фронта с разведанными. Она дошла, преодолев немыслимые трудности. На обратном пути родился мальчик.

А потом пришла Победа. Мать, ставшая учительницей, просиживала ночи над тетрадями, а на хозяйстве оставался маленький Родина (это уже позже милицкий старшина из паспортного стола, изумившись: «Ты что, девочка, что ли?», — записал в паспорте «Родин», а кто-то еще, увидев это имя в титрах, превратил его в обыкновенное — Родион). И было самое главное в крохотной, но наконец-то своей после долгих скитаний по чужим углам комнатухе — он тогда, еще не осознавая, начинал понимать важность того, что зовется работой. В доме учительницы всегда собирались люди. Всем требовалось сочувствие, на которое была так щедра его мама.

Его внутренний закон: понимать и принимать чужие печали, радости, дела и заботы, как свои собственные.

И нельзя было не поверить его несколько неожиданным словам о том, что, несмотря на технические трудности — шестичасовой грим перед съемкой, из-за которого нужно было приезжать на студию затемно, несмотря на огромное волнение (девятнадцатилетнему студенту свою первую в жизни роль на экране предстояло прожить в образе Ленина), играть в общем-то было легко. Ведь каждое бережное и ласковое ленинское слово к матери он произносил как свое собственное, обращаясь как бы и к своей маме.

В его словах о счастье сложившейся творческой судьбе, о том, что иначе она просто не могла сложиться, произносимых с твердой уверенностью, нет ни грамма самодовольства. Слишком много людей верили в него, помогали ему этой верой и обязывали оправдать ее: отец, погибший, так и не узнав о рождении сына, товарищи отца по подполью, дожившие и не дожившие до Победы, мать, давшая ему неслучайное и высокое имя Родина.

Его следующий фильм будет называться «Идуший следом». Он будет об учителе. О том Учителе с большой буквы, который всегда оставляет незримый, но прочный — на всю жизнь — след в душе человека. Галина Антоновна Прокопенко, его мать, тоже была учителем. По профессии. И по призванию. Значит, фильм будет и о ней. И в этом тоже верность матери.

Заслуженный артист
РСФСР Родион Нахапетов.
Фото В. Плотникова.